

Н. Ю. Шугаева, Н. В. Кормилина

**ВОССОЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности передачи культурно-исторической информации при переводе на английский язык романа А. Н. Толстого «Петр Первый». Проблема перевода культурно-специфической информации рассматривается в статье как разновидность межкультурной коммуникации, поскольку перевод художественного произведения русской классики на английский язык предназначен для носителей английского языка и адекватный перевод романа будет способствовать лучшему пониманию носителями английского языка истории и культуры России. В статье в сравнительном плане рассмотрены два варианта перевода романа.

В ходе исследования выделяются основные стратегии и способы перевода лексических единиц, не имеющих эквивалента в английском языке. В статье приводятся примеры из анализируемых переводов, анализируется уровень их эквивалентности и в то же время уровень доступности для понимания этой лексики англоязычным читателем романа. Наиболее часто переводчики используют транслитерацию, калькирование, описательный перевод, аналог, гибридное сочетание транслитерации и аналога. При этом даже при использовании одинакового способа переводчики зачастую применяют различные стратегии представления культурно-специфической информации в романе. На основании этого в завершение статьи делается вывод о большей предпочтительности одного из двух переводов и значимости данного исследования для успешной межкультурной коммуникации, предметом которой является история и культура России.

Ключевые слова: культурно-специфическая информация, историческая лексика, калькирование, описательный перевод.

N. Yu. Shugaeva, N. V. Kormilina

**RECONSTRUCTION OF CULTURE-SPECIFIC INFORMATION
WHEN TRANSLATING NOVEL “PETER THE FIRST”
BY A. N. TOLSTOY INTO ENGLISH
AS A VARIETY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article deals with the peculiarities of the transfer of culture-specific information when translating the novel “Peter the First” by A. N. Tolstoy into English. The problem of the interpretation of culture-specific information into English is considered in the article as a variety of intercultural communication since the translation of Russian fiction into English is intended for English speakers and adequate translation of the novel will contribute to better understanding of Russian history and culture.

Main strategies of translation of the lexical units having no equivalent in English are considered. Examples from two translations of the novel are discussed in the article from the point of view of their equivalence and level of comprehension by English speaking readers of the novel. Transliteration, calques, descriptive translation, hybrids of transliteration and analog are used by translators more often. But even when similar ways of translation are chosen by different translators the strategies of representation of the

culture-specific information of the novel varies. On this basis a conclusion is made about the greater preference of one of the two translations and about the importance of this research for inter-cultural communication which object is Russian history and culture.

Keywords: *culture-specific information, historical lexis, calque, descriptive translation.*

Введение. Предметом наших изысканий стало исследование особенностей воссоздания культурно-специфической информации при переводе на английский язык романа А. Н. Толстого «Петр Первый» как разновидность межкультурной коммуникации. В основу исследования легли труды А. Андреса, С. И. Влахова и С. П. Флорина, С. Г. Тер-Минасовой, Н. Д. Чепель, лексикографические источники, переводы на английский язык романа А. Н. Толстого «Петр Первый». Обилие в романе устаревшей лексики усложняет его адекватную межъязыковую передачу, особенно если речь идет о читательской аудитории, резко отличающейся в плане национально-культурной специфики.

Цель данного исследования – рассмотреть переводы на английский язык романа А. Н. Толстого «Петр Первый» и выявить способы воссоздания культурно-специфической информации оригинала в переводе, выделить наиболее подходящие способы осуществления перевода с целью их применения на практике в области художественного перевода и при межкультурной коммуникации.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем фактом, что на современном этапе развития науки интерес к проблемам переводческой деятельности как одного из наиболее существенных средств осуществления межкультурной коммуникации не только сохраняется в различных отраслях гуманитарных наук, но и становится все более заметным. Перевод культурно-специфической лексики остается значимой проблемой, заключающейся в трудностях передачи национального и исторического своеобразия в рамках исследования проблемы взаимодействия языка и культуры.

Довольно показательным и интересным, на наш взгляд, в отношении исторической составляющей представляется перевод на английский язык романа А. Н. Толстого «Петр Первый» [7], в котором пласт исторических реалий занимает довольно значимое место.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила культурно-специфическая лексика романа «Петр Первый» и способы воссоздания национального колорита в переводах романа на английский язык.

При решении задач данного исследования использованы следующие методы: описательный; сплошной выборки; случайной выборки; сопоставительного анализа; контекстуального анализа; анализа словарных дефиниций.

Результаты исследования и их обсуждение. Современная теория перевода, без сомнения, характеризуется актуальностью сохранения и передачи национального и исторического своеобразия текстов, переводимых на другой язык, в частности, это касается художественных произведений.

Перевод текстов, особенно тех, которые намеренно архаизированы для воссоздания национально-исторического колорита определенного исторического периода, требует наиболее тщательного выбора переводческих стратегий, методов и способов для того, чтобы сохранить авторские интенции и обеспечить решение прагматических переводческих задач.

Особая важность сохранения национально-культурной и исторической специфики в переводческом процессе состоит в том, что «культурологический и исторический аспекты несут как содержательную, так и эстетическую информацию, которая содержится в тексте оригинала. Данное утверждение наиболее значимо, когда речь идет о художественном тексте, одной из основных характеристик которого является ярко выраженная

национальная окраска содержания и формы, что «вполне естественно для литературного произведения как способа выражения действительности посредством образов» [8, с. 120].

«При переводе исторического художественного произведения немаловажную роль играет вопрос сохранения и передачи национального и исторического своеобразия переводимого текста. Такие произведения художественной литературы, как роман А. Н. Толстого «Петр Первый», отмечены печатью эпохи своего создания или же описываемого в нем периода. Подобные произведения написаны языком, который отличается в определенной степени от современного языка, а лексика литературного произведения несет на себе отпечаток истории, культуры и традиций народа, на языке которого написано произведение. Поэтому особо важную роль приобретают исторические реалии, которые обозначают предметы, понятия и явления, характерные лишь для определенного народа и связанные с конкретной исторической эпохой» [5, с. 232].

Роман А. Н. Толстого «Петр Первый» является историческим романом, причем как с точки зрения наших современников, так и читателей времени его написания. С. И. Влахов и С. П. Флорин назвали данный роман архаизованным произведением [2, с. 133]. Оно характеризуется преднамеренным подбором автором реалий, свойственных описываемому в романе периоду, с целью максимально точной передачи исторического и национального своеобразия петровского времени. Это означает, что использование исторических реалий обусловлено необходимостью исторической стилизации. Перевод же данных элементов, согласно их функциональному назначению, составляет важную переводческую задачу [1, с. 128].

Затруднения при переводе подобной лексики на английский язык объясняются, во-первых, сложностью подбора эквивалентного варианта в языке перевода, во-вторых, необходимостью сохранения стилистической окраски слова при переводе, которая в большинстве случаев рискует оказаться нейтрализованной по причине отсутствия аналога в переводящем языке [3, с. 53]. Как следствие, переводчик, работая над архаизованным произведением, должен в определенной степени дистанцироваться от современности, от использования употребляемой сегодня лексики.

Первые две книги романа были опубликованы в 1934 году. Несколько позднее появились его переводы на английский язык: в 1959 году вышел в свет перевод, выполненный Т. Шебуниной, а в 1982 году – перевод А. Миллера. Учитывая незначительный разрыв между временем издания романа и публикации его переводов, можем предположить, что данное обстоятельство существенно облегчило работу переводчиков, так как в их распоряжении имелись те же ресурсы, что и у автора.

Обратимся к переводам, выполненным А. Миллером [12] и Т. Шебуниной [11]. Данные источники дают обширное поле способов, при помощи которых переводчик передает русские исторические реалии на английском языке.

Прежде всего, обращает на себя внимание транслитерация. Ее примером могут служить следующие слова: *tsar* – царь, *ataman* – атаман, *voivode* – воевода, *muzhik* – мужик, *boyarina* – боярыня, *streltsy* – стрельцы. *At midday the voivodes, colonels and atamans assembled in the wagon train. But you couldn't skin the muzhik more than once. The majordomo ... banged his staff on the floor and shouted that boyarina Volkova had arrived. Up came streltsy officers Nikita Gladky and Kuzma Chermny. Nikita Gladky and Obrosim Petrov wore themselves out stirring up the streltsy suburbs* [12].

Приведенные транслитерированные реалии на фоне всего контекста произведения привлекают особое внимание, поскольку они обладают особым колоритом, способствующим воссозданию действительности периода правления Петра Первого.

В связи с тем что при помощи историзмов переводчик романа стремится максимально стилизованно передать воссозданную действительность эпохи, подобный прием

может быть продиктован желанием сохранить элементы культуры, которые англоязычный читатель воспринимает как характерные для среды, в которой происходят описываемые события. Будучи составляющими исторической стилизации, именно они призваны воссоздать в переводе российскую историческую специфику.

Транслитерация используется и при переводе реалии «царь», которая в обоих переводах передана единообразно:

А. Миллер: *After him came our tsar, and the mighty, and the boyars, and the stewards and the noblemen of the Duma*;

Т. Шебунина: *Behind him came our Tsar and government, and the boyars, and courtiers, and noblemen of the Council*.

Несмотря на единство использованного приема, в переводах все же наблюдается разница. Так, А. Миллер пишет рассматриваемую реалию с прописной буквы, употребляя понятие в смысле общественно-политической реалии, наименования титула монарха, тогда как Т. Шебунина – со строчной, подразумевая под данным понятием не просто наименование высшего достоинства императора, а именно Петра I как личность.

Кроме того, в приведенных примерах можем увидеть еще одно отличие. Историческая реалия «дума» (высший совет Русского царства, состоявший из представителей аристократии) в переводе А. Миллера звучит как *Duma*, т. е. переведена с использованием транслитерации. Т. Шебунина же обозначила данную историческую реалию как *Council*. На наш взгляд, во втором случае историческая составляющая несколько нивелируется, так как использованный перевод используется и в настоящее время, означая «орган управления».

Такая реалия, как «воеводы», названными переводчиками передается на английский язык по-разному. В частности, А. Миллер использует способ транслитерации – *voivodes: The voivodes, the colonels and the officers would assemble for dinner near Golitsyn's canvas tent and look with alarm at the limp banner* [12], тогда как Т. Шебунина применяет приблизительный перевод – *generals: Generals, colonels and commanders of "thousands" gathered at dinner time by Golitsin's canvas tent* [11]. Сравнение двух приведенных примеров наглядно демонстрирует сохранение А. Миллером исторического колорита указанной реалии в отличие от перевода Т. Шебуниной, в интерпретации которой данный аспект теряется ввиду использования общеупотребимого и в наши дни термина.

Аналогичное сохранение и потерю, хотя и в меньшей степени, но от этого не менее заметную, можем наблюдать и в случае с переводом исторической реалии «боярыня», которую А. Миллер переводит как *boyarina: Formerly, the boyars or boyarynas had driven out of the yard in a one-horse sleigh*, а Т. Шебунина – как *his (boyar's) wife: Formerly the boyar or his wife drove out in a one-horse sledge*.

Лексема *boyarina* предположительно создана по образу лексической единицы *tsarina*, означающей *"the title of the former empress of Russia"* [10, с. 1395].

Необходимо отметить, что в английском языке существует лексическая единица *muzhik*. Данная реалия содержится в *New Webster's Dictionary*, где ей дано определение *"a Russian peasant"* [9, с. 962]. Это означает, что указанный историзм не совсем чужд иностранному читателю.

Помимо транслитерации в исследуемых переводах нередко используется такой прием, как аналог. В частности, историческая реалия «воевода» иногда передается при помощи словосочетания *"military commander"*: *... otherwise prince Ivan Andreyevich Khovansky, a military commander, a boyar of ancient lineage* [12]. Данное словосочетание не в полном объеме передает значение, которое содержит данный термин в русской действительности петровских времен. В соответствии с определением, приведенным в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, воевода – это начальник войска, а также области, округа, города в Древней Руси [4, с. 90].

Другим примером аналогового перевода может служить *manor house* (усадьба): *Vassily built a manor house* [12]. Данное словосочетание аналогично русскому понятию. Здесь переводчик добивается высокой точности при передаче лексического значения соответствующей русской исторической реалии. Тем не менее, некоторые, возможно, не слишком значительные для русскоговорящего читателя, но немаловажные для восприятия иноязычным адресатом элементы значения русского историзма все же теряются. Восполняет такие потери переводчик другими доступными способами.

Дело в том, что для англоговорящих читателей, как и для русскоязычных, *manor house* несет в себе историческую составляющую. Следовательно, использование данной языковой единицы в английском варианте вполне закономерно, так как лексические единицы обоих языков обладают одинаковым статусом. Аналогичная ситуация складывается и при употреблении других историзмов. Например, *merchant guild* (гостиная сотня): *They'd have sounded it long ago, except that the streltsy regiments, the merchant guilds and the artisans' quarters are having doubts* [12]. В обоих языках указанные слова являются устаревшими, которые в современной жизни не отличаются активным использованием, но они известны носителям языка как в Англии, так и в России благодаря классическим литературным произведениям.

Также при помощи аналогового перевода в обоих рассматриваемых источниках передано значение исторической реалии «вотчина». Однако конкретный англоязычный термин, использованный переводчиками для ее передачи, разнится. Так, А. Миллер употребил *patrimony*: *Colonel Pyzhov sends the streltsy to his patrimonies outside Moscow and they have to work like serfs*, а Т. Шебунина – *estate*: *Colonel Pizhov sends the streltsi to his Moskow estates and there they work like serfs*. Учитывая, что переводимый историзм в данном случае означает «родовое наследственное земельное владение», термин, который употребил А. Миллер, выглядит более удачным, так как «унаследованное от родителей» имение более полно отражает смысл использованного автором оригинала понятия, в отличие от «имущества, расположенного на земельном участке». Здесь основная понятийная составляющая заключается в том, что владение передается по наследству.

Кроме того, в приведенных примерах наблюдаем разницу даже в транслитерированных лексических единицах: фамилия полковника А. Миллером передается при помощи буквы “y”, а Т. Шебуниной – “I”. С точки зрения написания, первый переводчик соблюдает правила транслитерации, а второй воспользовался так называемым авторским правом. Топоним «Москва» переведен в приведенных примерах также по-разному. А. Миллер, как и в случае с транслитерацией, следует традиционным правилам перевода – *Moscow*, а перевод Т. Шебуниной снова характеризуется определенным авторством – *Moskow*.

Приведенные примеры демонстрируют более точный и грамматически (а также лексически) верный перевод исторической реалии в исполнении А. Миллера по сравнению с переводом, выполненным Т. Шебуниной.

Стремление авторов перевода к его адекватности, максимально возможной передаче всех аспектов исторической реалии, сохранению ее специфики и колорита в некоторых случаях приводит к единству переводчиков в использовании английских лексических единиц. Примером может служить перевод административно-территориальной единицы «уезд». Для ее передачи в обоих случаях используется английское слово *province*.

На этом сходства в выявленных примерах заканчиваются. Поскольку даже при употреблении такого же аналогового перевода для исторической реалии «посадские люди» переводчики использовали различные английские лексические единицы – *artisans* и *townsmen*. В этом случае более близким к замыслу автора произведения оказался перевод Т. Шебуниной, так как, несмотря на то что использованный ею термин можно встретить и в современных текстах, он более точно передает смысл, заложенный в названное понятие – «сословие на Руси, в обязанности которого входила уплата денежных и натуральных податей».

Традиционно аналоговый перевод считается наиболее приемлемым вариантом, так как с его помощью переведенный текст вызывает наименьшее количество вопросов со стороны иноязычного читателя. Данная черта выгодно отличает переведенный с его использованием текст от переложенного другими переводческими приемами, особенно при передаче на иностранный язык безэквивалентной лексики [6, с. 361].

Так, видим, что словосочетания нередко передаются при помощи комбинации транслитерации и аналога. Например, *streltsy officer* (стрелецкий десятник) и *streltsy suburbs* (стрелецкая слобода): *Up came streltsy officers Nikita Gladky and Kuzma Chermny. Nikita Gladky and Obrosim Petrov wore themselves out stirring up the streltsy suburbs* [12].

Однозначный подход к использованию аналогового перевода в рассматриваемом произведении не представляется возможным, так как, например, *officer, suburbs* не выглядят неестественными для читателя переведенного текста, для него не снижается стилистическая насыщенность данных реалий, несмотря на то что они не способны в полной мере передать историческую составляющую данных слов в русском языке.

Другим способом передачи культурно-специфической исторической информации является калькирование. В качестве примеров можно привести такие, как *the sovereign's military service men* – государевы служилые люди, *the palace maids* – дворовые девки, *the baker's row* – калашный ряд: *The stoves were smoking in the baker's row and there was a smell of pies* [12].

Весьма показательными также являются такие исторические реалии, переведенные путем калькирования, как «Земляной вал», который А. Миллер перевел как *the Earth Rampart*, а в переводе Т. Шебуниной звучит как *Earthen Wall*; «Всехсвятский мост» переведен первым переводчиком как *All Saints Bridge*, а вторым – *Vsehsviatsky bridge*.

А. Миллер: *After the gates of the Earth Rampart, a pot-holed road wound through the streets past tall, narrow log huts; The nearer the boys drew to All Saints Bridge over the Moskva River, the more streltsy and crowds there were* [12];

Т. Шебунина: *They passed through the gates of the Earthen Wall and followed a winding route; The nearer they got to the Vsehsviatsky bridge, the more streltsi there were, the thicker the crowds* [11].

Учитывая назначение указанной в первом случае реалии, состоящее в том, что она представляет собой грунтовую насыпь, которая используется в качестве укрепления, мы считаем, что перевод А. Миллера больше приближен к действительному назначению и, самое главное, к историческому смыслу. Т. Шебунина сохранила здесь лишь функциональное назначение, упустив историческую составляющую данной реалии.

Переводя «Всехсвятский мост», Т. Шебунина, на наш взгляд, оказалась ближе к оригинальному тексту несмотря на то, что А. Миллер передал его истинное значение. Однако, если рассматривать приведенные примеры в целом, Т. Шебунина опустила название реки, берега которой соединяет данный мост. Указанный способ влияет на прагматическую составляющую перевода, так как не каждый англоязычный читатель имеет фоновые знания относительно местоположения данной исторической реалии и получить их можно только из контекста.

При помощи калькирования переводчик достигает воспроизведения в первую очередь основного значения, которое несет в себе словосочетание. В целях усиления исторического колорита совместно с названными единицами текста употребляются слова, используемые для контекстуального пояснения безэквивалентных историзмов. Например, *the baker's row* поясняется такими единицами, как *stove, the smell of pies*. Данный прием применяется для более полного раскрытия семантики калькированного словосочетания, максимального уровня сохранения лексического значения невзирая на то, что нередко исторический колорит при этом теряется.

Несмотря на безусловный профессиональный уровень переводов А. Миллера, он, как и любой другой переводчик, не в состоянии в полной мере сохранить все без исключения компоненты, несущие в себе исторический колорит. Например, *clerk* (дьяк), *under-clerk* (подьячий), *magistrate* (губный староста): *Others quit their accursed life for the wilds, for the northern rivers, so as not to bend their backs for governors, landowners, clerks, under-clerks, taverners and magistrates* [12]. Возможно, в приведенных примерах переводчик преследует цель максимально близко передать суть излагаемого в оригинале.

Указанные русские реалии представляют собой историзмы, перевод которых при помощи современных английских лексических единиц, несмотря на их аналогичность, в определенной степени ослабляет историческую составляющую реалий оригинального произведения. Разумеется, соблюдая принцип релевантности, в некоторых случаях переводчик может отступить от дословности, полной имитации, особенно если речь идет о переводе художественной литературы. При выборе того или иного аналога для передачи конкретной реалии специалист в области перевода самостоятельно принимает решение о допустимости определенного аналога, о его значении для когнитивной среды носителей языка, на который осуществляется перевод.

При сравнении переводов романа А. Н. Толстого «Петр Первый», выполненных А. Миллером и Т. Шебуниной, можно сделать вывод о том, что перевод А. Миллера более успешен с точки зрения воссоздания в нем национально-исторического колорита, нежели перевод Т. Шебуниной, который скорее нацелен на передачу функциональной и понятийной составляющих рассматриваемых реалий.

При анализе перевода романа интерес вызывают переводческие решения, связанные с передачей на английский язык православных реалий. Помимо собственно переводческих сложностей (адекватная, понятная передача реалии) здесь возникают и проблемы, связанные с различиями непосредственно религиозными.

Наиболее часто при воссоздании таких реалий на английском языке является описательный перевод. С его помощью переводчик передает значение лексических единиц оригинала, используя распространенное пояснение, которое способствует раскрытию существенных признаков явления, обозначенного той или иной лексической единицей. Например, передача наименования православного праздника *the Feast of the Intercession* – Покров день. Дословный перевод использованного А. Миллером словосочетания звучит как «праздник заступничества». Полагаем, что в него переводчик вложил исконный смысл данного праздника, так как православные христиане просят помощи у Богородицы как у «заступницы усердной» перед Всевышним. Аналогичным образом передает данную православную реалию и Т. Шебунина.

Другая историческая реалия религиозной направленности – «раскольник» – в исследуемом тексте переведена как *Old Believer*:

А. Миллер: *Six Old Believers appeared in one of the streltsy quarters* [12];

Т. Шебунина: *One day six Old Believers appeared in the strelets quarters* [11].

Здесь оба автора перевода использовали толкование значения данной реалии, так как раскольников означает следование традициям старообрядчества.

Более того, точный перевод *dissenter* англоязычный читатель не смог бы воспринять в нужном контексте, у него могло возникнуть недопонимание, вследствие чего были бы необходимы дополнительные комментарии и объяснительный перевод. В этой связи использованный способ перевода можно назвать вполне оправданным.

Описательный перевод при передаче рассматриваемых реалий А. Миллер использует и как дополнение к транслитерации и транскрипции, указывая его в сноске. Например, *the Nikonians / the Nikonites: The Nikonians have smashed the ancient faith, and it was by that (raising his finger) that the world lived ... (Followers of Patriarch Nikon of the church reform carried out by him in 1553).*

Таким же образом поступает и Т. Шебунина: *The Nikonites have broken the old faith (Term used by the Old Believers to designate those, who accepted the reforms of Patriarch Nikon).*

При этом сноска Т. Шебуниной является более развернутой, но от этого не более информативной, чем А. Миллера. Более того, в лаконичном пояснении А. Миллера помимо сведений о том, кто такие никониане, указан и год церковного раскола. Следовательно, перевод А. Миллера при меньшем лексическом составе несет в себе большее содержание.

Аналогичный прием, но только в сочетании с калькированием также нередко встречается при передаче религиозных реалий. Например, *the Solovetsky notebooks: They read passages from the Solovetsky notebooks on how to avoid the blandishments of Nikonianism and save the soul and the body.* Здесь переводчик поясняет лексему «Соловецкие»: *A reference to the Solovetsky Monastery, founded in the first half of the 15th century on Solovetsky Island in the White Sea. It became a centre of the anti-Nikonian movement* [12].

У Т. Шебуниной видим: *These Old Believers read out tracts issued by the Solovetsky monastery.* При этом переводчик использует сноску: *I.e., theological works that had not been emended and corrected by the church council under Patriarch Nikon in 1653.*

Перевод А. Миллера в данном случае можно назвать более подходящим ввиду отсутствия обширного описания, а также в связи с сохранением исторического колорита рассматриваемой реалии, что достигается при помощи калькирования.

Анализ данного примера позволяет говорить об уместности такого способа передачи реалии ввиду его краткости, отсутствия излишних деталей описания, а также сохранения с его помощью исторического колорита.

Так, видим, что при передаче религиозных реалий на английский язык в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» А. Миллер преимущественно прибегает к описательному переводу, соединяя его с транскрипцией, транслитерацией и калькированием, считая их наиболее подходящими для адекватной передачи названных реалий. Такой подход позволил переводчику максимально эффективно преодолеть трудности передачи русских исторических православных реалий. Ему удалось не только сохранить исторический колорит русской действительности, но и понятно для иностранного читателя передать их смысл, для чего он использовал в тексте сноски. В этой связи данный перевод можно считать более адекватным в сравнении с переводом Т. Шебуниной, которая, несмотря на использование таких же переводческих приемов, не всегда и не в полной мере сохраняет специфику временного периода описываемых в романе событий. Как и в случае с переводом исторических реалий, перевод Т. Шебуниной отражает суть произведения, но не передает специфических особенностей, присущих российской действительности времен Петра I.

Весьма интересным для анализа с точки зрения использования различных переводческих средств представляется пласт реалий, относящихся к государственно-политической сфере.

На примере официального документа «грамота» можем увидеть перевод, близкий (хотя и не в чистом виде) к аналоговому переводу, причем в обоих исследуемых источниках. Так, А. Миллер назвал грамоту *warrant*, а Т. Шебунина – *decree*:

А. Миллер: *They were fleeing to the Don to escape oppression, and they couldn't be brought back, neither with a warrant nor by force of arms* [12];

Т. Шебунина: *To escape the imposts they fled to the Don where you couldn't get them back either by sword or by decree* [11].

Более того, перевод, приближенный к аналоговому, использован в приведенных примерах при передаче понятия «сила оружия». А. Миллер использует в данном случае практически дословный перевод – *by force of arms*, а Т. Шебунина пошла несколько иным путем, употребив замену словосочетания одной лексической единицей – *by sword*.

На наш взгляд, к переводу официального документа, учитывая его специфику как письменного, дающего возможность реализовать какое-либо право, А. Миллер подо-

шел более удачно, так как использованное Т. Шебуниной *decree* несет в себе более обязательное, принудительное значение, нежели *warrant* А. Миллера.

Если говорить о переводе «силы оружия», то *by force of arms* А. Миллера видится более адекватным с точки зрения как передачи сути выражения, так и сохранения национальной специфики.

Другая реалья из рассматриваемой подгруппы «челобитная» переведена обоими переводчиками при помощи эквивалента – *petition*.

А. Миллер: *Vladimir Chemodanov got through to the tsar with his petition and he was granted two villages in perpetuity* [12];

Т. Шебунина: *Volodka Chemodanov reached the Tsar himself with his petition and got two tidy villages in perpetual ownership* [11].

В приведенных примерах помимо названного сходства видим также и различия: Т. Шебунина по-прежнему следует выбранной ею тактике перевода титула императора (уже ранее упомянутой в настоящей работе) – *Tsar*. При этом данный переводчик более достоверно передает оригинальный текст в части имени просителя в отличие от А. Миллера, который заменил фамильярное «Володька» (использованное автором произведения) на полное имя – *Vladimir*.

Несмотря на вполне адекватную передачу содержания мысли А. Н. Толстого, некоторую специфику авторского стиля романа в данном случае А. Миллер все же утратил.

Следующей государственно-политической реальей, переданной на английский язык при помощи аналогового перевода, является «наказ». Однако в данном случае переводчики разошлись во мнениях в отношении полного аналога данной реалии. А. Миллер использовал *regulations: Every year brought new regulations and more demands for cash – for feed, for the road, for tribute and for quit-rent* [12], а Т. Шебунина – *orders: Every year brought new orders, new imposts – maintenance-money, travel money, contributions and quit-rents* [11].

В приведенных примерах видим еще две государственно-политические реалии, переведенные путем использования аналогов: «дань» – *tribute* у А. Миллера и *contributions* у Т. Шебуниной, а также «оброк», для передачи которой оба переводчика воспользовались английской лексической единицей *quit-rents*. Учитывая, что наказ является документом распорядительного характера, который, однако, в чистом виде приказом назвать нельзя, перевод А. Миллера видится более успешным, так же, как и *tribute*, в котором сохраняется не только полное значение реалии, но и ее историко-национальная специфика, хотя и с определенными отступлениями. Последнее заключается в том, что дань может взиматься победителями с побежденного народа, в то время как использованная А. Миллером лексема не содержит в себе такого сущностного аспекта.

Использованное Т. Шебуниной *contributions* по своему значению еще более отдалено от реалии, употребленной автором романа, так как данная лексическая единица означает налог, которым облагают население военные, гражданские или церковные власти обычно для определенной цели. Следовательно, данный перевод можно назвать не вполне аналоговым и уведящим иноязычного читателя в несколько иную реальность, существенно отличающуюся от действительности, описываемой в оригинальном произведении, т. е. искажается исторический смысл государственно-политической реалии.

При рассмотрении тематики налогообложения обращают на себя внимание такие реалии, как «подать» и «повинность». Будучи безэквивалентными единицами, данные лексические единицы переданы переводчиками с использованием приблизительного перевода – *duties, obligation* и *imposts*.

А. Миллер: *The many excessive forms of quit rent, bonded labour, dues and obligations to be abolished and all to be liable to a single moderate poll-tax* [12];

Т. Шебунина: *Many burdensome taxes, tolls, duties and imposts should be abolished and replaced by a moderate poll-tax* [11].

Стараясь передать разницу между «податью» и «повинностью», оба переводчика использовали различные лексические единицы. При этом «подать» в обоих случаях переведена как *duties*, а в «повинности» А. Миллер увидел определенное обязательство – *obligation*, а Т. Шебунина – налог – *imposts*. Несмотря на достаточно точную передачу функционального назначения переводимой реалии, А. Миллер, на наш взгляд, оказался ближе к оригиналу, так как подать все же не является налогом в современном понимании этого слова.

Государственное устройство петровской эпохи характеризовалось наличием различного рода сословий, которые также интересны для переводческого анализа. Например, сословие «купечество» переведено при помощи аналогов – *tradesmen* и *merchants*.

А. Миллер: *All the petty tradesmen groaned*;

Т. Шебунина: *All the merchants groaned*.

Оба варианта перевода передают суть и колорит эпохи. Однако перевод Т. Шебуниной можно назвать более успешным ввиду того, что *merchants* используется чаще применительно к обозначению устаревающих понятий в отличие от современного *tradesmen* А. Миллера.

Сословие «дворянство» переведено как *landowner* и *noblemen*.

А. Миллер: *The small landowner became poorer* [12];

Т. Шебунина: *The noblemen with small estates became impoverished* [11].

В приведенных примерах названная реалия передана при помощи приблизительно того перевода. Несмотря на единство способа перевода, более адекватным представляется перевод Т. Шебуниной как более полно отражающий историческую составляющую переводимой реалии в отличие от А. Миллера, перевод которого передает суть владения земельными наделами с потерей принадлежности к дворянскому сословию.

Такой чин, как стольник, также переведен приблизительно в связи с отсутствием в английском языке полного аналога данного слова.

А. Миллер: *These were the squires appointed by Sophia to Peter's palace* [12];

Т. Шебунина: *The young nobles of poor lineage and small fortune whom Sophia had attached to Peter's court appeared in the passages and on the staircases* [11].

Т. Шебунина использовала описательный перевод для передачи значения названной реалии. Несмотря на значительную громоздкость лексической конструкции, с точки зрения передачи смысла ее перевод можно назвать более уместным.

Итак, перевод государственно-политических реалий осуществляется при помощи аналогов, часть из которых присуща современному английскому языку, в связи с чем исторический колорит рассмотренных реалий нередко снижается или теряется вовсе.

Приведенные примеры государственно-политических реалий демонстрируют уравнивание позиций переводчиков с точки зрения адекватности перевода. Так, в части документов, относящихся в названной сфере, более успешным видится перевод А. Миллера, тогда как Т. Шебунина эффективнее передает наименования сословий, сохраняя в своих переводах историческую специфику.

Выводы. Роман А. Н. Толстого «Петр Первый» не только изобилует сложнопереводимыми, а порой и вовсе не имеющими аналогов в языке перевода историзмами, наименованиями реалий петровской эпохи, но и, в целом, весьма непрост для передачи самого духа времени описываемого в произведении периода и авторского видения, способ передачи отношения автора к своему герою.

В статье рассмотрены способы воссоздания национально-культурного колорита романа «Петр Первый» А. Н. Толстого в его англоязычных переводах, дан сравнительный анализ двух переводов, что позволило выявить наиболее адекватные способы передачи слов и словосочетаний, несущих культурно-специфическую информацию. В основу исследования легли труды лингвистов, работающих в данном направлении. Наиболее часто

переводчики используют транслитерацию, калькирование, описательный перевод, аналог, гибридное сочетание транслитерации и аналога. Разумеется, выбирая тот или иной вариант перевода, переводчик самостоятельно принимает решение о значимости возможных когнитивных изменений, о возможности использования той или иной лексической единицы, которая будет более адекватно воспринята англоязычным читателем. Каждый из выявленных способов перевода имеет свои недостатки и преимущества.

В результате исследования представляется возможным говорить о том, что в целом главная задача переводчика, заключающаяся в адекватной передаче исторического колорита российской действительности, представленного в произведении А. Н. Толстого «Петр Первый», успешнее решена А. Миллером. Ему удалось доступным образом ознакомить современного англоязычного читателя не только с самим произведением русской литературы, но и эффективно передать смысл, вкладываемый автором романа в каждую деталь.

Художественный текст, предстающий объектом перевода, характеризуется рядом специфических отличий, оказывающих непосредственное влияние на процесс и качество перевода. Перевод художественного текста является сложным и многогранным видом деятельности, при реализации которого происходит столкновение различных культур, личностей, образов мышления, разных литературных традиций и исторических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрес А.* Дистанция времени и перевод // *Мастерство перевода*. – М. : Советский писатель, 1965. – С. 118–131.
2. *Влахов С. И., Флорин С. П.* Непереваемое в переводе. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. *Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю.* Особенности передачи просторечной лексики при переводе на английский язык романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2020. – № 1(106). – С. 51–60.
4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. *Прокопьева Т. А., Шугаева Н. Ю.* Прагматический аспект перевода на английский язык русских исторических реалий (на материале перевода на английский язык романа А. Толстого «Петр Первый») // *Вопросы филологии и переводоведения: направления и тенденции современных исследований* : сб. науч. ст. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. – С. 229–235.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
7. *Толстой А. Н.* «Петр Первый». – СПб. : Лениздат, 2014. – 860 с.
8. *Чепель Н. Д.* Приемы воссоздания национально-исторического колорита оригинала в переводе (на материале перевода романа А. Н. Толстого «Петр Первый» на английский язык) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2010. – № 2. – С. 120–125.
9. *New Webster's Dictionary of the English Language* / ed. by J. Attenberg et al. – London : Surjeet Publications, 1989. – 1856 p.
10. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / ed. by A. S. Hornby, A. P. Cowie, A. C. Gimson. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1540 p.
11. *Tolstoy A.* Peter the First / translated from Russian by T. Shebunina. – N. Y. : The Macmillan Company, 1959. – 784 p.
12. *Tolstoy A.* Peter the Great / translated from Russian by A. Miller. – M. : Raduga Publishers, 1991. – 750 p.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020

REFERENCES

1. *Andres A.* Distanciya vremeni i perevod // *Masterstvo perevoda*. – M. : Sovetskij pisatel', 1965. – S. 118–131.
2. *Vlahov S. I., Florin S. P.* Neperevodimoe v perevode. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 343 s.
3. *Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu.* Osobennosti peredachi prostorechnoj leksiki pri perevode na anglijskij yazyk romana F. M. Dostoevskogo «Idiot» // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. – 2020. – № 1(106). – S. 51–60.

4. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.
5. *Prokop'eva T. A., Shugaeva N. Yu.* Pragmaticeskij aspekt perevoda na anglijskij yazyk russkikh istoricheskikh realij (na materiale perevoda na anglijskij yazyk romana A. Tolstogo «Petr Pervyj») // *Voprosy filologii i perevodovedeniya: napravleniya i tendencii sovremennykh issledovanij* : sb. nauch. st. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2019. – S. 229–235.
6. *Ter-Minasova S. G.* Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – M. : Slovo, 2000. – 624 s.
7. *Tolstoj A. N.* «Petr Pervyj». – SPb. : Lenizdat, 2014. – 860 s.
8. *Chepel' N. D.* Priemy vossozdaniya nacional'no-istoricheskogo kolorita originala v perevode (na materiale perevoda romana A. N. Tolstogo «Petr Pervyj» na anglijskij yazyk) // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2010. – № 2. – S. 120–125.
9. *New Webster's Dictionary of the English Language* / ed. by J. Attenberg et al. – London : Surjeet Publications, 1989. – 1856 p.
10. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / ed. by A. S. Hornby, A. P. Cowie, A. C. Gimson. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1540 p.
11. *Tolstoy A.* Peter the First / translated from Russian by T. Shebunina. – N. Y. : The Macmillan Company, 1959. – 784 p.
12. *Tolstoy A.* Peter the Great / translated from Russian by A. Miller. – M. : Raduga Publishers, 1991. – 750 p.

The article was contributed on July 12, 2020

Сведения об авторах

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: nat-shugaeva@yandex.ru

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: kormilina@yandex.ru

Author information

Shugaeva, Natalya Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology and Translation, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: nat-shugaeva@yandex.ru

Kormilina, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: kormilina@yandex.ru